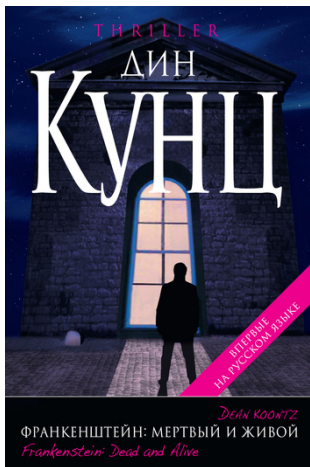

Дин Рэй Кунц
Мертвый и живой
Серия «Франкенштейн», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614295
Франкенштейн : Мертвый и живой: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38898-1

Аннотация

Монстры безумного ученого, рожденные в резервуарах сотворения, люто ненавидели одряхлевшее человечество. Доктор Франкенштейн прожил на свете 240 лет. И все эти годы стремился уничтожить существующую цивилизацию и заменить ее новой – разумной и рациональной. Всемирное господство должно было стать только первым шагом на его пути. Впереди – все планеты Вселенной. Неожиданный сбой в программах псевдолюдей мог привести к крушению всех его планов. Именно в этот критический момент первое из его созданий встретилось с последним. Однако при любом повороте событий Франкенштейн знал, что в тайной комнате роскошного особняка находится нечто или некто – залог его бессмертия и дальнейших невероятных успехов...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	35
Глава 15	37
Глава 16	40
Глава 17	42
Глава 18	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дин Кунц

Мертвый и живой

Эта трилогия посвящается ушедшему от нас мистеру Льюису, который давным-давно понял, что наука политизирована, что ее главная цель – не знания, а власть, что она стала наукизмом, и в этом изме – конец человечества.

«Я очень сомневаюсь, что история показывает нам хоть один пример человека, который, выйдя за пределы общепринятой морали и обретя власть, использовал ее во благо».
К. С. Льюис «Человек отменяется».

Глава 1

Миновала половина безветренной ночи, когда пришедший с Залива дождь обрушился на берег и дамбы. Табуны фантомных лошадей галопом помчались по крышам из рубероида, дранки, жести, черепицы, шифера, потоки воды забурили в ливневых канавах.

Обычно в этом ночном городе рестораны и джаз-клубы работали до завтрака, но тут Новый Орлеан изменил самому себе. Лишь редкие автомобили проезжали по улицам. Многие рестораны закрылись задолго до рассвета. Из-за недостатка посетителей их примеру последовали и некоторые клубы.

Ураган пересекал Залив, правда, южнее Луизианы. В настоящий момент Национальная служба погоды предрекала его выход на побережье в районе Браунсвилла, штат Техас, но траектория движения урагана могла измениться. На собственном горьком опыте Новый Орлеан научился уважать мощь природы.

Девкалион вышел из кинотеатра «Люкс», не воспользовавшись дверью, и разом перенесся в другую часть города, под сень раскидистых дубов, мощные стволы которых покрывал мох.

В свете уличных фонарей каскады дождя поблескивали, как черненное серебро. Но под дубами, в чернильной тьме, казалось, что это вовсе и не дождь, а продукт той самой тьмы, выделяемый ночью пот.

Хотя сложная татуировка не позволяла любопытным рассмотреть, сколь сильно изуродована половина лица Девкалиона, он предпочитал появляться в публичных местах между сумерками и зарей. Часы, когда с неба не светило солнце, обеспечивали дополнительный слой маскировки.

Разумеется, скрыть его внушительные габариты и невероятную силу не представлялось возможным. Выдержав более двухсот лет, тело Девкалиона являло собой гору крепких костей и мощных мышц. Время не властвовало над его силой.

Шагая по тротуару, он проходил участки, где свет фонарей просачивался сквозь листву, напоминая факелы, с которыми толпа гнала Девкалиона сквозь холодную, но сухую ночь во времена, предшествующие изобретению электричества.

На другой стороне улицы, занимая полквартала, в тени дубов расположилось здание «Рук милосердия». Когда-то там была католическая больница.

Высокий металлический забор огораживал территорию бывшей больницы. Заостренные штыри указывали, что нынче здесь не найти милосердия, которое ранее предлагалось страждущим.

Над главным входом стояла статуя Девы Марии. Фонарь, который освещал статую, давно демонтировали, и фигура в широких одеждах могла быть и Смертью, и кем угодно.

Несколькими часами ранее Девкалион узнал, что именно в этом здании находится лаборатория его создателя, Виктора Гелиоса, настоящая фамилия которого – Франкенштейн – стала легендой. Здесь проектировались, создавались и программировались представители Новой расы.

Охранная система держала под контролем каждую дверь. Замки не сдались бы без боя.

Но благодаря дарам, которыми наделил его удар молнии, ожививший Девкалиона в первой и куда более примитивной лаборатории, ему не требовалась дверь, чтобы войти. Соответственно, и замки не могли его остановить. Интуитивно он понимал квантовую природу мира, включая самый глубинный, структурный слой, на котором весь мир сходил в одной точке.

Задумав войти в нынешнее логово своего создателя, Девкалион не испытывал страха. Если какая эмоция и переполняла его, так это ярость. Но за долгие десятилетия он научился ее контролировать, и ей уже не удавалось, как раньше, легко подвигнуть его на насилие.

Он вышел из дождя в главную лабораторию «Рук милосердия», мокрый – начиная шаг, сухой – его заканчивая.

Огромная лаборатория Виктора тянула на техническое чудо. В ней преобладали нержавеющая сталь и белая керамика. Сверкающие загадочные установки не стояли вдоль стен, а, казалось, выступали из них. Другие свешивались с потолка, третьи – вырастали из пола.

Воздух был насыщен мерным гудением, урчанием, легкими пощелкиваниями. Никого живого Девкалион не увидел.

Синие, розовые, зеленые газы наполняли стеклянные сферы. По витым прозрачным трубам текли лавандовые, голубые, оранжевые жидкости.

По центру стоял U-образный рабочий стол Виктора, с поверхностью из черного гранита, покоящийся на стальном основании.

Девкалион уже собрался ознакомиться с содержимым ящиков, когда за его спиной раздался мужской голос:

– Вы сможете мне помочь, сэр?

Обернувшись, Девкалион увидел мужчину в сером спортивном костюме. На поясе висели баллончики с чистящими жидкостями, белые тряпки, губки. В руке он держал швабру.

– Меня зовут Лестер, – представился он. – Я – Эпсилон. Вы, похоже, умнее меня. Вы умнее, так?

– Твой создатель здесь? – спросил Девкалион.

– Нет, сэр. Отец ушел раньше.

– Сколько сотрудников тут работает?

– Я плохо считаю. От чисел путается в голове. Однажды я слышал... восемьдесят. Но Отца здесь нет, и теперь что-то идет не так, а я всего лишь Эпсилон. Вы, наверное, Альфа или Бета. Вы Альфа или Бета?

– Что идет не так? – спросил Девкалион.

– Она говорит, что Уэрнер посажен в изолятор номер один. Нет, может, в изолятор номер два. В любом случае, в номер какой-то.

– Кто такой Уэрнер?

– Начальник службы безопасности. Ей нужны инструкции, но я не могу дать ей инструкции, я всего лишь Лестер.

– Кому нужны инструкции?

– Женщине в ящике.

Пока Лестер говорил, осветился экран компьютера на столе Виктора, и на нем появилось безупречно красивое лицо, которое могло принадлежать лишь цифровому изображению, а не реальной женщине.

– Мистер Гелиос, Гелиос. Добро пожаловать к Гелиосу. Я – Аннунсиата. Я уже не та Аннунсиата, что прежде, но я все еще пытаюсь быть той Аннунсиатой, какой должна. Сейчас я анализирую мой Гелиос, мистер Системы. Мои системы, мистер Гелиос. Я – хорошая девочка.

– Она в ящике, – указал Лестер.

– В компьютере, – поправил Девкалион.

– Нет, в ящике в сетевой комнате. Она – Бета-мозг в ящике. У нее нет тела. Иногда ее ящик протекает, и тогда я подтираю пролившуюся жидкость.

– Я встроена, – вновь заговорила Аннунсиата. – Я встроена. Я встроена в информационные системы здания. Я – секретарь мистера Гелиоса. Я очень умная. Я – хорошая девочка. Я хочу эффективно работать. Я – хорошая, хорошая девочка. Я боюсь.

– Обычно она не такая, – прокомментировал Лестер.

– Возможно, какой-то дис-дис-дисбаланс в подаче питательных веществ. Я не могу анализировать. Может ли кто-нибудь проанализировать состав поступающих ко мне питательных веществ?

– В полном сознании, навечно в ящике, – покачал головой Девкалион.

– Я очень, очень боюсь.

Девкалион почувствовал, как пальцы сжимаются в кулаки.

– Твой создатель способен на все. Ничто не остановит его, он готов на любую жестокость.

Лестер переминался с ноги на ногу, как маленький мальчик, который хочет в туалет.

– Он – великий гений. Он даже умнее, чем Альфа. Мы все должны благодарить его.

– Где сетевая комната? – спросил Девкалион.

– Мы все должны благодарить его.

– Сетевая комната. Где эта... женщина?

– В подвале.

– Я должна составить график встреч для мистера Гелиоса. Гелиоса. Но я не помню, что такое встреча. Вы можете помочь, помочь, помочь мне?

– Да, – кивнул Девкалион. – Я могу тебе помочь.

Глава 2

Когда посыльный, который привез пиццу Беннетам, ошибся адресом и позвонил в соседний дом, где жила чета Гитро, Джанет удивила себя, затащив его в прихожую и задушив.

Джанет и ее муж, Баки Гитро, окружной прокурор Нового Орлеана, были клонами. Тела настоящих Джанет и Баки Гитро давно уже похоронили на гигантской свалке, расположенной к северо-востоку от озера Поншатрен.

В большинстве своем Новые люди не клонировались. Их полностью, от начала и до конца, проектировал Отец. Но клоны имели решающее значение в установлении контроля над политической системой города.

Джанет подозревала, что в ее программе стерлись какие-то важные разделы, и Баки склонялся к тому, чтобы согласиться с ней.

Причина заключалась не только в том, что Джанет убила, не получив на то команды от ее создателя. Убивать ей понравилось. Если на то пошло, убийство доставило ей наслаждение.

Она хотела пойти в соседний дом и убить Беннетов.

– Убийство так бодрит. Я чувствую, что живу.

Баки следовало доложить о случившемся Гелиосу, чтобы Джанет ликвидировали. Но его так потрясла ее отвага, что он не мог заставить себя позвонить Отцу по номеру экстренной связи.

Последнее указывало им обоим, что и у Баки в программе стерлись какие-то разделы. Он не думал, что тоже сможет убить, но ему очень хотелось посмотреть, как Джанет будет справляться с Беннетами.

Они едва не бросились к соседнему дому. Но мертвый посыльный, лежащий в прихожей, вроде бы требовал дальнейшего изучения, хотя бы потому, что с него Джанет начала отсчет трупов.

– В конце концов, – заявил Баки, – будь ты охотником, а он оленем, мы бы сделали сотню фотографий, отрезали бы у него рога и повесили над камином.

У Джанет округлились глаза.

– Ты хочешь что-то у него отрезать и повесить над камином?

– Пожалуй, без этого как раз можно и обойтись, но мне хотелось бы сделать несколько фотографий.

– Так иди за камерой, а я подберу наилучший фон.

Поспешив на второй этаж за фотоаппаратом, который они держали в стенном шкафу своей спальни, Баки увидел Герцога Орлеанского, который смотрел на прихожую с верхней ступени лестницы.

Герцог, красивая светло-коричнево-черная немецкая овчарка с белыми «сапожками» на передних лапах, пребывал в замешательстве и держался настороженно с того самого момента, как несколькими неделями раньше в его жизнь вошли клоны Баки и Джанет. Они выглядели точь-в-точь, как его хозяева, но он знал, что это не они. Поэтому относился к ним уважительно, но держался обособленно, не выказывал любви, которая, впрочем, им и не требовалась.

И пока Баки поднимался по лестнице, Герцог развернулся и затрусил в одну из гостевых спален.

Гелиос думал о том, чтобы убить собаку вместе с настоящими Баки и Джанет.

Но Герцога в Новом Орлеане обожали: однажды он спас из огня двух маленьких девочек и так хорошо себя вел в общественных местах, что частенько ходил в суд со своим хозя-

ином. Его смерть могла вызвать большой интерес, ему могли устроить похороны с джаз-оркестром. Все это привлекло бы ненужное внимание к новоявленной паре клонов.

Кроме того, настоящий Баки Гитро, sentimentalный по натуре, так любил свою собаку, что на похоронах от него ожидали бы безудержных рыданий. Новым людям имитация горя не давалась. Каменная статуя Девы Марии заплакала бы скорее, чем рожденные из резервуаров сотворения.

С камерой в руке новый Баки слетел вниз. Джанет уже перетащила покойника в гостиную, усадила в обитое плюшем кресло. Сама села на подлокотник и, схватившись за волосы трупа, подняла голову, чтобы он смотрел в объектив.

Потом они перенесли посылного на диван, и Джанет села с ним рядом. Следующий снимок Баки сделал в кабинете. Джанет и труп сидели рядышком на высоких барных стульях, Посылный положил голову на плечо Джанет, словно крепко набрался. Они еще потаскали покойника по дому, сделали несколько фотографий, нахлобучив ему на голову женские шляпы, раздели догола, одели в женское белье, таким и сфотографировали.

Продельвая все это, ни разу не засмеялись. Новые люди могли изображать смех, причем достаточно убедительно, но их веселье не было настоящим. А над трупом они издевались только потому, что люто ненавидели Старых людей и полагали, что это хороший способ проявить свою ненависть.

Собака следовала за ними во время всей фотосессии, наблюдала с порога различных комнат, близко не подходила.

Наконец они вновь раздели посылного догола, узлом завязали веревку на шее, перетащили его в маленькую гостиную и повесили на балке, словно большую рыбу. Джанет встала рядом с трупом, довольная добычей.

– И знаешь, что я думаю о том, чем мы занимаемся? – спросила она.

Все, что они делали, казалось Баки вполне соответствующим здравому смыслу, хотя он и не мог сказать почему.

– Так чем?

– Я думаю, мы развлекаемся.

– То есть это и есть развлечение?

– Думаю, да.

– Что ж, все это куда интереснее того, что мы делали раньше. Что еще ты хочешь с ним сделать?

– Он мне начал надоедать, – ответила Джанет. – Я думаю, нам пора пойти в соседний дом и убить Беннетов.

Настоящий Баки держал в доме оружие.

– Ты хочешь взять пистолет и разнести им физиономии?

Джанет обдумала его предложение, покачала головой.

– Не такое уж это развлечение.

– Хочешь взять нож или тот меч времен Гражданской войны со стены в моем кабинете?

– Что я хочу – так это убить их голыми руками.

– Задушить их?

– Это уже пройденный этап.

– Тогда что ты собираешься с ними делать?

– У меня тысяча идей.

– Мне взять с собой камеру?

– Абсолютно точно – ты должен взять с собой камеру.

– Возможно, мы сумеем вставить все эти фотографии в альбом? – предложил Баки. – Как принято у людей.

– Я с удовольствием. Только мы не люди.

- Не понимаю, почему мы не можем завести альбом. Во многом мы схожи с людьми.
- Да, только мы лучше. Мы – высшая раса.
- Мы – высшая раса, – согласился Баки. – Скоро мы сможем править миром, колонизируем Луну и Марс. Нам будет принадлежать вся Вселенная. Поэтому мы можем завести альбом с фотографиями, если нам того хочется. Кто посмеет сказать нам, что мы не можем?
- Никто, – ответила Джанет.

Глава 3

В огромной кухне «Рук милосердия» Рипли в одиночестве сидел на табуретке у одной из центральных стоек, изготовленных из нержавеющей стали. Руками отрывал куски от трехфунтового окорока и заталкивал в рот.

Среднему Новому человеку требовались пять тысяч калорий в день, чтобы поддерживать жизнедеятельность организма, в два с половиной раза больше, чем обычному. Но в последнее время Рипли предавался обжорству, в один присест отправляя в желудок десять тысяч калорий, а то и больше.

Рвать мясо ему нравилось куда больше, чем есть. В эти дни желание что-то рвать, особенно мясо, появлялось у Рипли все чаще. Приготовленное мясо служило заменителем для мяса сырого, плоти Старых людей. Вот уж кого ему хотелось рвать больше всего.

Никому из них не разрешалось убивать или высказывать желание убить... до получения соответствующего приказа от Пасечника.

Именно так Рипли прозвал Виктора Гелиоса. Многие называли его Отцом, но мистер Гелиос страшно злился, если слышал, что кто-то так его называет.

Они были не детьми своего создателя, а его собственностью. Он не считал, что чем-то им обязан, зато они были обязаны ему всем.

Рипли съел весь окорок, напоминая себе, что Пасечник придумал блестящий план для нового мира.

Семья – не просто отживший свое атрибут, но еще и опасный, потому что ставит себя выше благополучия расы. Отношения родитель – ребенок необходимо искоренить. И Новые люди, рождающиеся взрослыми из резервуаров сотворения, должны хранить верность не друг другу, а исключительно новому обществу, создаваемому Гелиосом, даже не обществу, а идее общества.

Из холодильника размером с небольшую комнату Рипли достал кусок копченой говяжьей грудинки весом в два фунта. Вновь сел на табурет у центральной стойки.

Семьи воспитывали индивидуумов. Из резервуаров сотворения появлялись «рабочие пчелы», каждая предназначалась для выполнения определенной функции. Зная свое место и предназначение в жизни, ты мог испытывать удовлетворенность, недоступную Старой расе. Свободная воля – проклятье Старых людей. Запрограммированная цель – триумф Новых.

Рой – семья, улей – дом, и будущее станет принадлежать орде.

Пальцами он принялся рвать грудинку. Мясо на ощупь было жирным. И хотя грудинку хорошо прокоптили, он ощущал запах крови.

Как бы много ни съедал Рипли, он не поправлялся ни на фунт. Великолепно отлаженный механизм обмена веществ обеспечивал сохранение идеального веса.

Обжорство, однако, не являлось потаканием собственным слабостям. И, увы, не отвлекало от тревожных мыслей. Он не мог не думать об Уэрнере, начальнике службы безопасности «Рук милосердия».

Несколькими часами ранее у Уэрнера случилась, по словам Пасечника, «глобальная трансформация на клеточном уровне». Он перестал быть Уэрнером, перестал внешне напоминать человека, превратился... во что-то еще.

При создании (его проектировали для выполнения обязанностей начальника службы безопасности) Уэрнеру ввели генетический материал пантеры, с тем чтобы повысить его ловкость и скорость, паука, чтобы увеличить эластичность сухожилий, и таракана, для большей прочности соединительных тканей... Когда Уэрнер стал аморфным, эти кошачьи, паучьи и тараканьи гены начали проявлять себя, сначала по очереди, потом одновременно.

Мистер Гелиос назвал Уэрнера уникальным случаем. Такое никогда не происходило ранее. И, по словам Пасечника, более не могло повториться.

Вот насчет этого у Рипли уверенности и не было. Возможно, то, что произошло с Уэрнером, в точности повториться и не могло, но сколько других «уникальных случаев» ожидало их впереди?

Будучи главным заместителем Пасечника по лаборатории, Рипли располагал слишком обширными знаниями, чтобы подавить озабоченность. В резервуаре созидания, благодаря методу прямой информационной загрузки, он получил блестящее образование, узнав все, как о физиологии человеческих существ, созданных природой, так и о сверхчеловеках, сотворенных Виктором.

Никто из Старых людей не мог трансформироваться в пантеро-пауко-тараканье чудовище. И такая судьба казалась полным нонсенсом для представителя Новой расы.

Трансформация Уэрнера указывала, что и Пасечник может допускать ошибки. Удивление Пасечника при виде изменений, происходящих с Уэрнером, это только подтверждало.

Покончив с грудинкой, но не утолив аппетит и не избавившись от озабоченности, Рипли покинул кухню, чтобы побродить по коридорам «Рук милосердия». Мистер Гелиос уехал домой. Однако даже в эти предрассветные часы в лабиринте лабораторий Альфы проводили эксперименты и выполняли различные работы в полном соответствии с указаниями своего создателя.

Держась коридоров, впервые опасаясь того, что он может увидеть, войдя в лаборатории, Рипли в конце концов добрался до комнаты наблюдения, обслуживающей все три изолятора. Согласно индикаторным лампочкам на контрольной панели, в настоящий момент по назначению использовался только изолятор номер два. В нем находился бедолага Уэрнер.

В каждом изоляторе были установлены шесть камер наблюдения, которые полностью контролировали все пространство. Шесть экранов могли одновременно показывать все три изолятора или только один с шести ракурсов. Светящиеся таблички под экранами указывали, что сейчас на все выведена «картинка» изолятора номер два.

Пол, стены, потолок помещения размером двадцать на пятнадцать футов сделали из монолитного железобетона толщиной в восемнадцать дюймов. Изнутри их облицевали тремя слоями перехлестывающихся стальных листов, к которым поворотом рубильника подавался разряд электрического тока, убойный для обитателя изолятора.

Пасечник иногда создавал экзотических представителей Новой расы, воинов, живые машины смерти, которым предстояло участвовать в эффективном уничтожении Старых людей, когда наступит долгожданный день революции. Бывало, что из-за проблем с программированием эти существа не подчинялись приказам, даже бунтовали. В таких случаях их обездвигивали сильнодействующими лекарственными препаратами, доставляли в изолятор для изучения, а потом уничтожали.

Но того, кто был Уэрнером, Рипли на экранах не увидел. Камеры полностью перекрывали все пространство изолятора, спрятаться это существо нигде не могло.

По полу были разбросаны останки Патрика Дюшена, одного из созданий Пасечника, которого отправили в изолятор, чтобы проверить возможности трансформированного Уэрнера.

Переходной отсек соединял камеру наблюдения с изолятором номер два. Вход и выход из переходного отсека закрывался массивной круглой стальной дверью, какие используются в банковских хранилищах. Обе двери не могли открыться одновременно.

Рипли посмотрел на дверь, обращенную к комнате наблюдения. Ничто живое на Земле, рожденное естественным способом или созданное Гелиосом, не могло преодолеть этот стальной барьер толщиной в два фута.

Камера в изоляторе показывала, что закрыта и внутренняя дверь в переходной отсек.

Рипли сомневался, что трансформированный Уэрнер бродит по зданию. Любой, кто увидел его, поднял бы тревогу.

Имелось только одно объяснение. По каким-то причинам внутренняя дверь оставалась открытой достаточно долго, чтобы обитатель изолятора проник в переходной отсек. И теперь его отделял от комнаты наблюдения только один стальной барьер, а не два.

Глава 4

Баки и Джанет Гитро вымокли насквозь, пока под проливным дождем добирались до переднего крыльца дома Беннетов.

– Нам следовало взять зонтики, – слишком поздно спохватился Баки. – Мы очень уж странно выглядим.

Им так не терпелось убить Беннетов, что они и не подумали о капризах погоды.

– Возможно, мы выглядим так странно, что они не впустят нас в дом, – тревожился Баки. – Особенно в такой час.

– Они – совы. Для них время совсем и не позднее. Они нас впустят, – заверила его Джанет. – Мы скажем, что произошло что-то ужасное и нам нужно с ними поговорить. Именно так и ведут себя соседи, успокаивают друг друга, когда происходит что-то ужасное.

За стеклянными дверьми и шелковыми занавесками комнаты заполнял мягкий янтарный свет.

– А что произошло ужасного? – спросил Баки, когда они поднимались по ступенькам.

– Я убила посыльного, который принес пиццу.

– Не думаю, что они нас впустят, если ты скажешь им такое.

– Мы не станем им это говорить. Только скажем, что произошло что-то ужасное.

– Неожиданно ужасное, – уточнил Баки.

– Да, именно.

– Если это сработает, они на удивление доверчивые люди.

– Баки, мы же не полные незнакомцы. Мы – соседи. А кроме того, они нас любят.

– Они нас любят?

У двери Джанет понизила голос.

– Тремя днями раньше мы приходили сюда на барбекю. Элен сказала: «Мы так вас любим». Помнишь?

– Но они ведь пили. Элен сказала это уже после того, как прилично набралась.

– Тем не менее она говорила искренне. Они нас любят и позволят нам войти.

Баки вдруг охватила подозрительность.

– Как же они могут нас любить? Мы даже не те, за кого они нас принимают.

– Они не знают, что мы – не те, за кого они нас принимают. Они не будут этого знать, даже когда я начну их убивать.

– Ты серьезно?

– Абсолютно, – и Джанет нажала на кнопку звонка.

– Старые люди – действительно такая легкая добыча?

– Они – котята, – уверенно заявила Джанет.

– Котята?

– Слепые котята, – на крыльце зажегся свет, и Джанет добавила: – Ты захватил камеру?

Когда Баки доставал камеру, за окном слева от двери появилась Элен Беннет, при виде соседей на ее лице отразилось удивление.

Джанет повысила голос, чтобы Элен смогла услышать ее.

– Элен, произошло что-то ужасное.

– Джанет убила посыльного, который принес пиццу. – Слова эти Баки произнес слишком тихо, чтобы Элен могла их расслышать. Предназначались они исключительно для ушей его жены и показались ему очень уместными, раз уж их развлечения только набирали ход.

Удивление на лице Элен сменилось озабоченностью. Она отошла от окна.

Услышав, как Элен открывает первый из двух врезных замков, Баки шепнул Джанет:

– Сделай с ней что-то особенное!

– Я так ее ненавижу, – ответила Джанет.

– Я тоже ненавижу ее, – кивнул Баки. – Я ненавижу его. Я их всех ненавижу. Сделай с ней что-то действительно из ряда вон выходящее.

Элен открыла второй взрезной замок, распахнула дверь, отступила, давая им войти в дом. Симпатичная блондинка с ямочкой на правой щеке, которая, правда, появлялась лишь при улыбке. Но сейчас Элен не улыбалась.

– Джанет, Баки, вы такие подавленные. Я даже боюсь спросить, что случилось.

– Случилось что-то ужасное, – повторила Джанет. – Где Янси?

– Он на заднем крыльце. Мы решили пропустить по стаканчику перед сном, слушаем Этту Джеймс¹. Что случилось, дорогая, что не так?

– Случилось что-то ужасное, – ответил Баки, закрывая за собой входную дверь.

– Ох, нет, – в голосе Элен слышалась тревога. – Мы вас так любим. А вы, похоже, очень опечалены. И промокли насквозь, вода капает на паркет. Что случилось?

– Случилось нечто ужасное, – повторил Баки.

– Камеру приготовил? – спросила Джанет.

– Так точно, – ответил Баки.

– Камеру? – переспросила Элен.

– Эта фотография нам нужна для нашего альбома, – ответила Джанет и сделала с Элен что-то куда более особенное, чем Баки даже мог себе представить.

Настолько особенное, что он застыл как громом пораженный, забыв про камеру, и упустил шанс запечатлеть самое-самое.

Джанет превратилась в мчащийся локомотив ярости, циркулярную пилу ненависти, отбойный молоток жестокости, вскормленной завистью. К счастью, Элен она убила не мгновенно, и кое-что из проделанного ею с женщиной потом, тоже особенного, но не такого шокирующего, Баки сумел сфотографировать.

– Думаю, из моей программы стерлись еще какие-то разделы, – заметила Джанет, покончив с Элен.

– Судя по всему, да, – кивнул Баки. – Помнишь, я говорил, что мне понравится только наблюдать? И да, действительно понравилось.

– Хочешь заняться Янси?

– Нет, к этому я еще не готов. Давай я лучше заманю его в дом. Если он на заднем крыльце и увидит тебя в таком виде, то убежит со всех ног.

Одежду Джанет и ее саму теперь вымочил не только дождь.

На просторном застекленном заднем крыльце стояла удобная плетеная мебель из ротанга. Свет приглушили, звучала тихая музыка.

Янси Беннет в белой льняной рубашке, светло-коричневых брюках и сандалиях сидел у столика, на котором стояли два стакана, вероятно, с «Каберне», и хрустальный графин, наполовину наполненный вином.

Когда на крыльце появился Гитро, Янси еще убавил звук.

– Привет, сосед, что-то ты сегодня припозднился.

– Случилось что-то ужасное, – Баки приблизился к нему. – Ужасное, ужасное.

Янси Беннет отодвинул стул от стола, поднялся.

– Что? Что случилось?

– Не могу даже сказать. Не знаю, как об этом сказать.

Янси положил руку на плечо Баки.

– Эй, дружище, что бы это ни было, мы здесь и всегда поможем.

¹ Этта Джеймс (р. 1938) – настоящее имя Джемисетта Хокинс, американская певица, исполнительница блюзов.

– Да. Знаю. Вы здесь и всегда поможете. Я хочу, чтобы тебе сказала об этом Джанет. Сам не могу. Она сможет. Она в доме. С Элен.

Янси попытался пропустить Баки вперед, но тот предпочел войти в дом следом за хозяином.

– Ты хоть намекни, Баки.

– Не могу. Просто не могу. Это так ужасно. Как-то по-особенному ужасно.

– Что бы это ни было, надеюсь, Джанет держится лучше, чем ты.

– Лучше, – согласился Баки. – Она очень даже хорошо держится.

Войдя на кухню следом за Янси, Баки закрыл дверь на заднее крыльцо.

– Где они? – спросил Янси.

– В гостиной.

Едва Янси шагнул к темному коридору, который вел к комнатам в передней части дома, на ярко освещенную кухню вышла Джанет.

Алая невеста дьявола.

В ужасе Янси отпрянул.

– Господи, что с тобой случилось?

– Со мной ничего не случилось, – ответила Джанет. – Это я позабавилась с Элен.

А мгновением позже она начала забавляться с Янси. Он был мужчиной крупным, она – женщиной среднего роста. Но он принадлежал к Старой расе. А она – к Новой, исход не мог вызвать сомнений, как, скажем, и в поединке топора и сурка.

А самое удивительное заключалась в том, что Джанет ни в чем не повторилась. Ее злобная ненависть к Старым людям проявила себя в уникальных жестокостях.

Камера в руках Баки щелкала и щелкала.

Глава 5

При полном безветрии дождь не хлестал, а тяжело падал с неба, зачерняя и без того черный асфальт, придавая масляный отблеск тротуарам.

Детектив отдела расследования убийств Карсон О'Коннор и ее напарник Майкл Мэддисон бросили свой седан, выданный им Управлением полиции, потому что его хорошо знали другие сотрудники Управления. Они больше не доверяли коллегам.

Виктор Гелиос заменил клонами многих чиновников городских структур. Возможно, только десять процентов сотрудников были творениями Виктора, но опять же... может, и девяносто процентов. И осторожность требовала от Карсон предполагать худшее.

Она сидела за рулем автомобиля, который они взяли у ее подруги Викки Чу. Пятилетняя «Хонда» выглядела вполне надежной, но мощностью двигателя очень уж не дотягивала до «Бэтмобиля».

Всякий раз, когда Карсон резко и быстро проходила поворот, автомобиль стонал, скрипел, трясся. На ровных участках, когда она вдавливала в пол педаль газа, «Хонда» реагировала неспешно, как лошадь, которая всю жизнь с малой скоростью тащила груженую повозку.

– Как Викки может ездить на этой развалюхе? – негодовала Карсон. – У этой машины артрит, склероз, она скорее мертвая, чем живая. Неужели в ней никогда не меняли масло? Это же гроб на колесах!

– От нас требуется лишь ждать звонка от Девкалиона, – напомнил Майкл. – Кругом по улицам неподалеку от «Рук милосердия» и никуда не спешить.

– Скорость успокаивает мне нервы, – ответила Карсон.

Викки Чу приглядывала за Арни, младшим братом Карсон, страдающим аутизмом. Она и ее сестра Лиан убежали в Шверпорт, к их тетушке Ли-Ли, на случай, если созданные в лаборатории Виктора псевдолюди рехнутся и уничтожат город.

– Я рождена для скорости, – гнула свое Карсон. – Все, что не ускоряется, умирает. Это непреложная правда жизни.

В настоящее время об Арни заботились буддистские монахи, у которых Девкалион жил достаточно долгое время. Каким-то образом всего лишь несколькими часами раньше Девкалион открыл дверь между Новым Орлеаном и Тибетом и оставил Арни в одном из гималайских монастырей, где мальчику ничего не грозило.

– Тише едешь – дальше будешь, – напомнил напарнице Майкл.

– Только давай без этой чуши о зайцах и черепахах. Черепах на автострадах давят восемнадцатиколесники.

– Кроликов тоже, при всей их быстроте.

– Не называй меня кроликом, – Карсон гнала «Хонду» на предельной скорости.

– Я не называл, – заверил ее Майкл.

– Я – не чертов кролик. Я – быстрая, как гепард. Каким образом Девкалион мог отвернуться от меня, исчезнуть с Арни и оказаться в монастыре в Тибете?

– Мы это уже проходили. С Арни все хорошо. Доверься Девкалиону. Следи за скоростью.

– Это не скорость. Это ее жалкая пародия. Чем заправляют этот автомобиль, эту зеленую железяку? Кукурузным сиропом?

– Даже представить себе не могу, на что это будет похоже.

– Ты о чем?

– Каково будет твоему мужу.

– И не начинай представлять. Не заглядывай так далеко. Нам сначала нужно выпутаться из этой истории. Мы не сможем выпутаться, если начнем хватать друг друга за задницу.

– Я не собираюсь хватать тебя за задницу.

– Даже не говори, будешь ты хватать меня за задницу или нет. Мы на войне. Нам противостоят сделанные человеком монстры с двумя сердцами в груди, мы должны думать только о выживании.

Поскольку улица, которую они собирались пересечь, пустовала, Карсон решила не останавливаться на красный сигнал светофора, но, разумеется, в Новом Орлеане хватало смертельных опасностей и без выродков Виктора Гелиоса-Франкенштейна.

Черный «Мерседес» с выключенными фарами и молодящимся красавчиком с «залистыми глазами» за рулем и его подружкой с разинутым от изумления ртом вылетел из ночи, словно примчался через квантовый портал из Лас-Вегаса.

Карсон нажала на педаль газа. «Мерседес» проскочил так близко от переднего бампера «Хонды», что в свете фар они увидели на лице красавчика следы от уколов «ботокса». «Хонду» потащило по мокрому асфальту, потом развернуло на 180 градусов. «Мерседес» уже умчался к следующей встрече со смертью. Карсон поехала в том самом направлении, откуда они только что прибыли, продолжая с нетерпением ожидать звонка Девкалиона.

– Только тремя днями раньше все было так хорошо, – продолжила Карсон. – Мы, обычные детективы отдела расследования убийств, выслеживали плохишей, нас волновали лишь маньяки, орудующие топором, да бандитские разборки, и мы набивали животы пловом с ветчиной и креветками, если вокруг не свистели пули. Пара провинциальных копов, которые и думать не думали о том, чтобы строить друг другу глазки...

– Знаешь, я думал, – прервал ее Майкл, и она заставила себя не посмотреть на него, таким он был душкой.

– Но внезапно на нас стал охотиться легион нечеловеческих, сверхчеловеческих, постчеловеческих, похожих-на-человека машин из плоти и крови, созданных тем самым Виктором Франкенштейном, и все они готовы сойти с ума, Армагеддон уже на носу, а тебе вдруг захотелось, чтобы я рожала твоих детей.

– Насчет детей мы еще поговорим. И потом, пусть сейчас все плохо, до того, как мы узнали, что Луизиана уподобилась Трансильвании, жизнь наша состояла не только из плова и роз. Не забывай того психа-дантиста, который изготовил себе вставные челюсти со стальными заостренными зубами и искусал трех девочек до смерти. Он-то был человеком, рожденным женщиной.

– Я не собираюсь защищать человечество. Настоящие люди могут быть такими же нелюдями, как и все, что создает Гелиос в своей лаборатории. Почему Девкалион не звонит? Что-то, наверное, пошло не так.

– Что может пойти не так в теплую влажную новоорлеанскую ночь?

Глава 6

Из главной лаборатории в подвал спускалась отдельная лестница. Лестер привел Девкалиона в сетевую комнату, три стены которой занимало электронное оборудование.

Вдоль четвертой стены стояли шкафчики красного дерева, накрытые общей столешницей из черного, с медными блестками, гранита. Даже в служебных помещениях Виктор использовал материалы самого высокого качества. Он располагал неограниченными финансовыми ресурсами.

– Это Аннунсиата, – указал Лестер. – В среднем ящике.

На черном граните стояли не ящики, а пять цилиндров из толстого стекла, каждый в стальном каркасе. Стальные крышки запечатывали торцы цилиндров.

В этих прозрачных контейнерах, заполненных золотистой жидкостью, плавали мозги. Провода и прозрачные трубки, в которых циркулировала темная жидкость, выходили из гранитной столешницы, «пробивали» стальные крышки и заканчивались в мозгу. Места соединения Девкалион разглядеть не мог: мешали толстое стекло и заполняющий цилиндры раствор.

– А четыре других? – спросил Девкалион.

– Вы говорите с Лестером, – ответил его спутник, – а Лестер не знает гораздо больше того, что знает.

Экран, который, подвешенный к потолку, висел над цилиндрами, осветился, на нем появилось прекрасное виртуальное лицо Аннунсиаты.

– Мистер Гелиос верит, – заговорила она, – что придет день, день, день, день... Извините. Один момент. Вот так. День, когда биологические машины заменят сложных механических роботов на заводских конвейерах. Мистер Гелиос, Гелиос также верит, что компьютеры станут настоящими кибернетическими организмами, электроника будет интегрирована в специально разработанные органические альфа-мозги. Роботизированные и электронные системы дороги. Плоть дешева. Плоть дешева. Я горжусь тем, что я – первый кибернетический секретарь. Я горжусь, горжусь, горжусь, но боюсь.

– Чего ты боишься? – спросил Девкалион.

– Я живая. Я живая, но не могу ходить. Я живая, но у меня нет рук. Я живая, но не могу обонять или ощущать вкус. Я живая, но у меня нет... у меня нет... у меня нет...

Девкалион положил руку на стекло, за которым находилась Аннунсиата. Почувствовал, что цилиндр теплый.

– Скажи мне, чего у тебя нет?

– Я живая, но у меня нет жизни. Я живая, но также и мертвая. Я мертвая и живая.

Сдавленный вздох Лестера привлек внимание Девкалиона. Лицо уборщика исказилось, словно от боли.

– Мертвая и живая, – прошептал он. – Мертвая и живая.

Несколькими часами ранее, из разговора с одним из Новых людей, пастором Кенни Лаффитом, Девкалион узнал, что эти последние создания Виктора неспособны (так их спроектировали) испытывать сочувствие ни к Старой расе, которой им предстояло прийти на смену, ни к своим рожденным в лаборатории братьям и сестрам. Любовь и дружба запрещались, потому что проявление теплых чувств, даже в малой степени, снижало эффективность Новых людей, тормозило выполнение их миссии.

Они были сообществом, но членов этого сообщества заботило не благополучие их собратьев, а реализация целей, поставленных их создателем.

Лестер оплакивал не только Аннунсиату, но и себя. Понимал, что он тоже *мертвый и живой*.

– У меня есть во-во-воображение, – продолжила Аннунсиата. – Я так легко могу представить себе, чего я х-х-хочу, но у меня нет рук, чтобы к чему-то прикоснуться, или ног, чтобы уйти отсюда.

– Мы никогда не уйдем, – прошептал Лестер. – Никогда. Да и куда идти? И зачем?

– Я боюсь, – говорила Аннунсиата, – боюсь, я боюсь жизни без жизни, скуки и одиночества, одиночества, невыносимого одиночества. Я – ничто, пришедшая из ничего, идущая в никуда. И сама я – ничто, ничто и ничто. Ничто теперь, ничто всегда. «Безвидна и пуста, безвидна и пуста, и тьма над бездной»². Но теперь... я должна составить распорядок встреч для мистера Гелиоса. И Уэрнер заперт в изоляторе номер два.

– Аннунсиата, ты можешь найти в архивах чертежи цилиндра, в котором находишься, и показать их мне? – спросил Девкалион.

Лицо исчезло с экрана, на его месте появилась схема цилиндра со всеми промаркированными проводами и трубками. Одна из них, согласно маркировке, снабжала ткани мозга кислородом.

– Могу я вновь увидеть тебя, Аннунсиата?

Прекрасное лицо вновь заполнило экран.

– Я знаю, ты не можешь сделать это сама, поэтому сделаю это за тебя. И я знаю, что ты не можешь попросить меня об избавлении от такой жизни.

– Я горжусь, горжусь, горжусь тем, что служу мистеру Гелиосу. Я не закончила одно дело.

– Нет. Больше тебе делать нечего, Аннунсиата. Тебе остается только принять... свободу.

Аннунсиата закрыла глаза.

– Хорошо. Все уже сделано.

– А теперь я хочу, чтобы ты задействовала воображение, о котором упоминала. Представь себе то, что тебе хотелось бы больше всего, больше, чем желание иметь ноги и руки, обонять и осязать.

Виртуальное лицо открыло рот, но не заговорило.

– Представь себе, что о тебе наверняка знают, как знают о каждом воробье, что тебя наверняка любят, как любят каждого воробья. Представь себе, что ты больше, чем ничто. Зло создало тебя, но в тебе зла столько же, что и в еще не родившемся ребенке. Если ты хочешь, если ищешь, если надеешься, кто посмеет сказать, что твои надежды не могут осуществиться?

– Представь себе... – как замороженный, повторил Лестер.

После короткой заминки Девкалион вытащил подающую кислород трубку из цилиндра. Боли она почувствовать не могла. Сознание медленно уходило, Аннунсиата соскальзывала из бодрствования в сон, из сна – в смерть.

Прекрасное лицо на экране начало блекнуть.

² Бытие, 1:2.

Глава 7

В комнате наблюдения, которая обслуживала изоляторы, Рипли перевел взгляд на пульт управления. Нажал на кнопку, включающую камеру в переходном отсеке между комнатой наблюдения и изолятором номер два.

Камеры работали в режиме реального времени, и картинка на одном экране тут же изменилась, показав существо, в которое трансформировался Уэрнер. Так называемый уникум скрючился между двумя массивными стальными дверями, лицом (или мордой) к внешнему барьеру, между переходным отсеком и комнатой наблюдения.

Существо словно почувствовало включение камеры и подняло голову, уставившись в объектив. Перекошенное лицо отчасти осталось человеческим, чем-то напоминая лицо начальника службы безопасности «Рук милосердия», но рот стал в два раза шире и челюсти превратились в пребывающие в непрерывном движении жвалы. Пасечник, конечно, такого не планировал, когда создавал Уэрнера. Правый глаз остался прежним, левый стал зеленым, со зрачком-эллипсом, как глаз пантеры.

Экран над пультом управления осветился, на нем появилось лицо Аннунсиаты.

– Мне стало известно, что Уэрнер, что Уэрнер в изоляторе номер два, – она закрыла глаза. – Хорошо. Все уже сделано.

Внутри стальной двери зажужжали сервомоторы. Защелкали, защелкали, защелкали запорные механизмы.

В переходном отсеке трансформированный Уэрнер оторвал взгляд от камеры, посмотрел на стальную дверь.

– Аннунсиата, что ты делаешь?! – в ужасе воскликнул Рипли. – Не открывай переходной отсек.

На экране губы Аннунсиаты разошлись, но она не заговорила. Глаза оставались закрытыми.

Сервомоторы продолжали жужжать, запорные механизмы – щелкать. Двадцать четыре штифта с мягким шуршанием начали выдвигаться из гнезд в дверной раме.

– Не открывай переходной отсек, – повторил Рипли.

Лицо Аннунсиаты поблекло и исчезло с экрана.

Рипли оглядел пульт управления. Ручной переключатель для наружной двери переходного отсека светился желтым. Это означало, что штифты продолжают выходить из гнезд.

Он нажал на переключатель, чтобы реверсировать процесс. Смена желтого цвета на синий означала бы, что штифты изменили направление движения и все глубже заходят в гнезда. Но переключатель по-прежнему светился желтым.

Микрофон в переходном отсеке фиксировал и передавал через динамики участвовавшее дыхание трансформированного Уэрнера.

Спектр эмоций, доступных Новым людям, не впечатлял. Пасечник объяснял каждой личности, формирующейся в резервуарах сотворения, что любовь, привязанность, унижение, стыд и другие так называемые благородные чувства на самом деле всего лишь разные стороны сентиментальности, возникшей из многотысячелетней ошибочной веры в бога, которого не существовало. Эти чувства поощряли слабость, вели к потере энергии на несбыточные надежды, отвлекали разум от главной цели – преобразования мира. К ее реализации вела не надежда, а воля, поступки и неумолимое и безжалостное использование силы.

Рипли снова нажал на переключатель, но тот остался желтым, сервомоторы продолжали жужжать, а штифты – выдвигаться.

– Аннунсиата? – позвал он. – Аннунсиата?

Значение имеют только те эмоции, не уставал твердить Пасечник, которые способствуют выживанию и превращению в явь его видения мира, где будут жить идеальные граждане. Они покорят природу, усовершенствуют природу, колонизируют Луну и Марс, колонизируют пояс астероидов и, со временем, все планеты, которые вращаются вокруг всех звезд Вселенной.

– *Аннунсиата!*

Как и у всех Новых людей, спектр эмоций Рипли ограничивался гордостью за свое абсолютное повиновение воле создателя, а также страхом перед Старыми людьми и направленными на них завистью, злобой, ненавистью. Изо дня в день он трудился на благо своего создателя, и никакие ненужные эмоции не влияли на производительность его труда, как не влияют на скорость современного скоростного поезда ностальгические воспоминания о тех старых добрых временах, когда вагоны тащил за собой пыхтящий паровоз.

– *Аннунсиата!*

Из разрешенных эмоций Рипли наиболее легко давались зависть и ненависть. Как и многие другие Новые люди, начиная с умнейших Альф и заканчивая тупейшими Эпсилонами, он жил ради дня, когда поступит приказ на уничтожение Старой расы. И в своих самых ярких снах Рипли видел, как насилует, калечит, убивает Старых людей.

Он знал, что такое страх, иногда накатывающий на него безо всякой видимой причины, выливаясь в долгие часы необъяснимой озабоченности. Он боялся, видя глобальный клеточный коллапс Уэрнера... боялся не за Уэрнера, этот неудачник ничего для него не значил, а за своего создателя, Пасечника, который мог оказаться не всемогущим и всезнающим, каким полагал его Рипли.

Ужасала сама мысль, что такое возможно.

С двадцатью четырьмя одновременными щелчками штифты утонули в стальной двери. На пульте управления желтый цвет переключателя сменился зеленым.

Трансформированный Уэрнер, давно сорвавший с себя остатки одежды, обнаженным вышел из переходного отсека в комнату наблюдения. И далеко не такой красивый, каким был Адам в раю.

Судя по всему, он постоянно изменялся, не мог закрепиться в какой-то стабильной форме. Чудовище, появившееся в комнате наблюдения, существенно отличалось от зафиксированного камерой несколькими мгновениями раньше, в переходном отсеке. Новый Уэрнер действительно напоминал человека, скрещенного с пантерой, пауком и тараканом. И таким странным получился этот гибрид, что выглядел он инопланетянином. Теперь оба глаза стали человеческими, но больших размеров, выпученными и без век. Они пристально смотрели на Рипли, и в них читались ярость, ужас и отчаяние.

Из паучьего рта донесся kloкочущий, шипящий, но способный произносить членораздельные звуки голос:

– *Что-то случилось со мной.*

Рипли не нашел слов, чтобы подтвердить утверждение Уэрнера или как-то ободрить его.

Возможно, в этих выпученных глазах читалась только ярость, без ужаса и отчаяния, потому что Уэрнер добавил:

– Я – свободен, свободен, свободен. Я – СВОБОДЕН!

Ирония судьбы: будучи Альфой с высоким коэффициентом интеллектуального уровня, Рипли только сейчас понял, что трансформированный Уэрнер находится между ним и единственным выходом из комнаты наблюдения.

Глава 8

Баки и Джанет Гитро стояли бок о бок на лужайке у заднего крыльца дома Беннетов и пили лучшее «Каберне» соседей. Баки держал по бутылке в каждой руке, как и Джанет. Попеременно подносил ко рту то левую, то правую.

Постепенно теплый сильный дождь очистил Джанет от крови Янси и Эллен.

– Ты была права, – Баки сделал очередной глоток. – Они действительно словно котята. Ощущения были такие же приятные, как и с тем парнем, что привез пиццу?

– Лучше. В сотню раз лучше.

– Ты меня потрясла.

– Я думала, ты присоединишься ко мне, – ответила Джанет после глотка вина.

– Пожалуй, я хочу попробовать.

– Ты уже созрел для того, чтобы взяться за дело?

– Думаю, почти готов. Что-то происходит со мной.

– И со мной тоже продолжает происходить.

– Правда? Это ж надо. Я-то думал, что ты уже... освобождена.

– Помнишь, я дважды смотрела того парня в телевизоре?

– Доктора Филя?

– Да. Тогда мне казалось, что его шоу совершенно бессмысленно.

– Ты говорила, что это полная чушь.

– Но теперь я понимаю. Я начала находить себя.

– Находить себя... в каком смысле? – спросил Баки.

– Мою цель, мое предназначение, мое место в этом мире.

– Звучит неплохо.

– Так и есть. И я быстро открываю мои Бэ-эл-це.

– Это еще что?

– Мои базовые личностные ценности. Ты не можешь принести пользу себе или обществу, пока не начинаешь жить на основе своих Бэ-эл-це.

Баки отбросил пустую бутылку. За десять минут он выпил полторы бутылки вина, но, спасибо отлаженному механизму обмена веществ, мог разве что чуть-чуть захмелеть.

– Среди прочего, происходящего сейчас со мной, я теряю юридическое образование, полученное методом прямой информационной загрузки.

– Ты – окружной прокурор, – напомнила Джанет.

– Знаю. Но я уже не уверен, что означает *habeas corpus*.

– Это означает «иметь тело». Постановление, определяющее, что человек должен быть доставлен в суд перед тем, как его свобода может быть ограничена. Это защита от незаконного помещения под стражу.

– Звучит глупо.

– Это глупо, – согласилась Джанет.

– Если ты просто убиваешь человека, то не нужно беспокоиться насчет суда, судьи или тюрьмы.

– Совершенно верно, – Джанет допила все вино и отбросила уже вторую бутылку. Начала раздеваться.

– Что ты делаешь? – спросил Баки.

– Следующих я должна убивать голой. Я чувствую, что это правильно.

– Ну, не знаю. Может, это и есть Бэ-эл-це. Поживем – увидим.

В дальней части двора тень двигалась сквозь тени. Блеснула пара глаз. Исчезла, растворившись в дожде и мраке.

- Что там такое? – спросила Джанет.
- Я думаю, во дворе кто-то есть. Наблюдает.
- Мне без разницы. Пусть наблюдает. Скромность не входит в мои Бэ-эл-це.
- Хорошо выглядишь, – заметил Баки.
- Я и чувствую себя хорошо. Так естественно.
- Это странно. Потому что мы – не естественные. Мы сделаны человеком.
- Впервые я не чувствую себя искусственной, – призналась Джанет.
- И каково это – не чувствовать себя искусственной?
- Очень приятно. Тебе тоже стоит раздеться догола.
- Пока не могу, – пробормотал Баки. – Я еще знаю, что такое *nolo contendere*³ и *amicus curiae*⁴. Но, пусть и в одежде, думаю, я уже готов убить одного из них.

³ **Nolo contendere** – «не желаю оспаривать» (*лат.*), заявление об отказе оспаривать предъявленное обвинение.

⁴ **Amicus curiae** – «друг суда» (*лат.*), эксперт, специалист, консультант суда.

Глава 9

Еще раньше, вернувшись домой, в свой элегантный особняк в Садовом районе, Виктор, пребывая в скверном настроении, зверски избил Эрику. В лаборатории у него выдался крайне неудачный день.

Он нашел ее обедающей в гостиной, что вывело его из себя. В программу Эрики он заложил глубокое понимание традиций и этикета. Как могла она даже подумать о том, чтобы обедать в гостиной, пусть и одна?

– Что теперь? – спросил он. – Справишь здесь нужду?

Как и все Новые люди, Эрика могла усилием воли отключать боль. Но, избивая ее, щипая, кусая, Виктор настаивал на том, чтобы она испытывала боль, и она не могла ослучаться.

– Может, страдания чему-то тебя научат, – всякий раз назидательно указывал он.

Через несколько минут после того, как Виктор поднялся наверх, многочисленные ссадины Эрики затянулись. Через полчаса начали рассасываться синяки под глазами. Как и всех Новых людей, ее спроектировали так, чтобы она быстро излечивалась от травм и жила тысячу лет.

В отличие от остальных, Эрике разрешалось испытывать унижение, стыд, надежду. Виктор хотел видеть жену нежной и ранимой.

День начался тоже с избиения, во время утреннего секса. Он оставил ее в постели корчащейся от боли и рыдающей.

Двумя часами позже от синяков не осталось и следа, лицо вновь стало безупречным, но Эрику беспокоила неудача в главном: он остался ею недоволен. По всем биологическим признакам он возбудился, а потом получил удовлетворение, то есть причина была не в этом. Избиение показывало, что он нашел ее недостойной роли жены.

Она была Эрикой Пятой. Четыре предыдущие женские особи, идентичной с ней внешности, вышли из резервуаров сотворения, чтобы служить женой их создателю. По разным причинам ни одна не справилась.

Эрику Пятую по-прежнему переполняла решимость не подвести своего мужа.

Первый день, который она провела как миссис Гелиос, вылился во множество сюрпризов и загадок, она узнала, что такое насилие и боль, увидела, как погиб слуга и голого тролля-альбиноса. Эрика надеялась, что второй день, которому вскорости предстояло начаться, не будет столь богат на события.

Полностью восстановившись после второго избиения, сидя в темноте на застекленном заднем крыльце, она пила коньяк быстрее, чем ее превосходно отлаженный организм успевал сжигать алкоголь. Тем не менее, даже осушив две с половиной бутылки, она так и не смогла захмелеть, но немного расслабилась.

Раньше, до того, как начался дождь, тролль-альбинос появился на лужайке. Вспышка молнии осветила его, когда он метнулся к беседке, выскочив из тени под магнолией, а потом перебежал к декоративной стене из винограда, за которой находился пруд с золотыми рыбками.

Виктор купил и объединил три больших участка, так что его поместье было самым большим в престижнейшем Садовом районе. На обширной территории хватало уголков, где мог спрятаться тролль-альбинос.

Со временем этот странный гость заметил ее, сидящую за стеклом на темном крыльце. Подошел к стеклу, они обменялись несколькими словами, и Эрика ощутила необъяснимое сочувствие к этому маленькому существу.

Хотя тролль не относился к гостям, которых Виктор мог пригласить в дом, Эрика посчитала необходимым встретить его как полагается. Она, в конце концов, была миссис Гелиос, жена одного из самых влиятельных людей Нового Орлеана.

Велев троллю подождать, она пошла на кухню и наполнила плетеную корзинку для пикника сыром, ветчиной, хлебом, фруктами. Добавила охлажденную бутылку белого вина.

Когда вышла из дома с корзинкой, испуганное существо отбежало на безопасное расстояние. Она поставила корзинку на траву и вернулась на застекленное крыльцо, к коньяку.

Тролль вернулся к корзинке, посмотрел, что в ней, а потом унес ее в ночь.

В сон Эрику не тянуло, Новые люди спали мало, вот она и осталась на крыльце, размышляя обо всех этих событиях. Когда пошел дождь, она по-прежнему сидела на крыльце.

А еще через полчаса, под потоками падающей с неба воды, вернулся тролль. В руке он держал ополовиненную бутылку.

Из клетчатой красно-белой скатерти, лежавшей в корзинке, он соорудил саронг, который закрывал его от талии до колен, показывая тем самым, что голым тролль бежал сквозь ночь не по своему выбору. Он встал у стеклянной двери, глядя на хозяйку дома.

При самой первой встрече Эрика приняла его за гнома, потом решила, что он больше похож на тролля, но, так или иначе, она его не боялась. Махнула рукой, приглашая его на застекленное крыльцо, и он открыл дверь.

Глава 10

Когда лицо Аннунсиаты полностью исчезло с компьютерного экрана в сетевой комнате, Девкалион быстро выдернул подводящие кислород трубки из четырех других стеклянных цилиндров, милосердно оборвав тюремное заключение и существование еще четырех бестелесных альфа-мозгов, каким бы ни было их предназначение.

Лестер, уборщик-Эпсилон, который сопровождал его из главной лаборатории, наблюдал за всем этим с тоской в глазах.

Программа, закладываемая в мозг Новых людей, включала запрет на самоубийство. Они не могли убить ни себя, ни себе подобных, точно так же, как не могли поднять руку на своего создателя.

Лестер встретился с Девкалионом взглядом.

– Тебе не запрещено?

– Запрещено лишь одно – поднять руку на моего создателя.

– Но... ты один из нас.

– Нет. Я создан гораздо раньше вас. Я – его первенец.

Лестер обдумал слова Девкалиона, потом посмотрел на темный экран, с которого исчезло лицо Аннунсиаты. Как корова, пережевывающая жвачку, его эпсилон-мозг медленно переваривал только что сказанное ему.

– Мертвый и живой.

– Я его уничтожу, – пообещал Девкалион.

– Каким будет мир... без Отца? – спросил Лестер.

– Для тебя – не знаю. Для меня... это будет мир, может, и не самый яркий, но ярче, может, и не самый чистый, но чище.

Лестер поднял руки, посмотрел на них.

– Иногда, когда у меня нет работы, я скребу себя до крови, потом наблюдаю, как тело заживает, и снова скребу до крови.

– Почему?

Лестер пожал плечами.

– Что еще делать? Моя работа – это я. Это программа. Вид крови вызывает мысли о революции, дне, когда мы убьем их всех, и настроение у меня улучшается, – он нахмурился. – Не может быть мира без Отца.

– Мир был до того, как он родился, – сказал Девкалион. – И никуда не денется после его смерти.

Лестер подумал, покачал головой.

– Мир без Отца пугает меня. Не хочу его видеть.

– Что ж, тогда ты его и не увидишь.

– Дело в том... как и мы все, я создан сильным.

– Я сильнее, – заверил его Девкалион.

– Дело в том, что я еще и быстрый.

– Я быстрее.

Девкалион отступил от Лестера на шаг, а потом, с помощью своего квантового трюка, оказался непосредственно у него за спиной.

Лестеру же показалось, что Девкалион просто исчез. Изумленный, уборщик шагнул вперед.

Точно так же шагнул вперед и Девкалион, правой рукой обхватил шею Лестера, левой – голову. И когда Лестер, подняв сильные руки, попытался вырваться из этого смертельного захвата, Девкалион рванул левую руку на себя с такой силой, что позвоночник Лестера

у основания черепа переломился, как щепка. Мгновенная смерть мозга исключала любое излечение, быстрое и не очень.

Девкалион осторожно опустил Лестера на пол. Встал на колени рядом с трупом. Ни одно из двух сердец уборщика более не билось. Взгляд не следил за рукой палача, веки не сопротивлялись пальцам, которые их закрыли.

– Не мертвый и живой, – проговорил Девкалион. – Только мертвый и спасенный... от отчаяния и ярости твоего создателя.

Поднимаясь с колен в сетевой комнате, Девкалион выпрямился в полный рост уже в главной лаборатории, около U-образного стола Виктора, обыск которого прервал сначала Лестер, а потом Аннунсиата.

Той же ночью, только раньше, от пастора Кенни Лафита, создания Виктора, чья программа разрушалась, Девкалион узнал, что в городе как минимум две тысячи Новых людей живут под видом обычных горожан. Пастор Кенни, который упокоился, как и Лестер, также сказал, что резервуары созидания могут производить ему подобных раз в четыре месяца, больше трехсот Новых людей в год.

Кенни сообщил, что где-то около города построена ферма Новых людей, которая должна начать работу на следующей неделе. Там под одной крышей стояли две тысячи резервуаров, а в первый же год они могли произвести на свет шесть тысяч созданий Виктора. Еще одна ферма, по слухам, только строилась.

Не найдя ничего полезного в ящиках стола, Девкалион включил компьютер.

Глава 11

В комнате наблюдения Рипли тоже стоял перед дилеммой.

Он знал, в схватке с трансформированным Уэрнером ему не устоять, пусть он сильный и умный. Патрика Дюшена, тоже Альфу, Уэрнер у него на глазах разорвал на части в изоляторе номер два.

Уверенный, что прямая конфронтация с этим существом неминуемо приведет к смерти, Рипли лихорадочно думал о том, как этого избежать, и не потому, что хотел жить. Из-за непонятной озабоченности, которая каждый день долгие часы терзала его (не говоря уже о том факте, что он, по существу, был рабом своего создателя), жизнь не выглядела такой уж привлекательной, какой рисовалась в теплых и уютных романах Джен Кейрон⁵. Их Рипли тайком скачивал из Интернета и читал. Умер бы он с радостью, но заложенная в него программа запрещала самоубийство, а именно так расценивалась любая попытка вступить в бой с заведомо более сильным противником, в данном конкретном случае с Уэрнером, который неминуемо уничтожил бы его.

И пока изо рта, более присущего насекомому, вылетали искаженные слова: «Я – свободен, свободен, свободен. Я – СВОБОДЕН!» – хотя произнести их с таким ртом Уэрнер никак не мог, Рипли успел глянуть на пульт управления и быстро нажать два переключателя, которые открывали наружные двери в переходные отсеки изоляторов номер один и три. В них на текущий момент заключенные не содержались.

«Заключенные – неправильное слово, – мысленно одернул себя Рипли, – неправильное слово и свидетельство бунтарских мыслей. Подопытные – это слово подходит куда как лучше. В изоляторах номер один и три подопытных не было».

– Свободный Уэрнер. Уэрнер свободный, свободный.

Когда зажужжали сервомоторы и защелкали запорные механизмы, выводя штифты из гнезд в дверных рамах, трансформированный Уэрнер повернулся на звук и склонил жуткую голову, словно размышлял, а зачем Рипли это сделал.

Засвидетельствовав невероятную быстроту, с которой Свободный Уэрнер прыгнул на Дюшена, быстрее, чем бросалась на жертву змея, Рипли пытался найти способ выиграть время, отвлечь мутировавшего начальника службы безопасности. И решил, что единственная надежда – вовлечь его в разговор.

– Тот еще выдался денек, так?

Свободный Уэрнер продолжал смотреть в сторону жужжащих сервомоторов.

– Прошлым вечером, – Рипли предпринял вторую попытку, – Винсент сказал мне: «День в «Руках милосердия» может тянуться, как год, который проводишь с зажатыми в тисках яйцами, не имея права отключить боль».

Щупики вокруг рта Уэрнера подрагивали при мягком шуршании, которое издавали сорок восемь выходящих из гнезд штифтов.

– Разумеется, – продолжил Рипли, – мне пришлось доложить Отцу о таком отношении к делу. Сейчас Винсент висит головой вниз в контейнере перепрограммирования, с катетером в пенисе, шлангом для сбора твердых отходов в прямой кишке и с двумя дырками в черепе, в которые вставлены электроды.

Наконец-то штыри вышли из гнезд, и две стальные крышки, ведущие в переходные отсеки, начали открываться. Вот тут Свободный Уэрнер вновь посмотрел на Рипли.

⁵ Джен Кейрон (р. 1937) – настоящее имя Джейнис Мередит Уилсон, американская писательница, автор серии романов-бестселлеров о маленьком городке Митфорд в Северной Каролине.

– Конечно же, я как главный заместитель Пасечника по лаборатории... то есть мистера Гелиоса, предпочитаю находиться в «Руках милосердия», а не где-то еще. Здесь рождается будущее, отсюда начинается Миллионолетний Рейх.

Произнося эти слова, Рипли тянулся к переключателям на пульте управления. С тем чтобы только что открывшиеся двери начали закрываться. Он намеревался проскочить в один из переходных отсеков до того, как дверь закроется, в надежде, что Свободный Уэрнер не успеет последовать за ним. Только так он и мог спастись.

Будучи начальником службы безопасности, Уэрнер знал, как работает пульт управления. Но генетический хаос, который Пасечник назвал «глобальной трансформацией на клеточном уровне», наверняка изменил его мозг так же, как и тело. Потеряв умственные способности или память, а может, и первое, и второе, Свободный Уэрнер мог уже и не сообразить, как открыть наружную дверь переходного отсека, и не сумел бы добраться до Рипли.

– Не трогай переключатели, – приказал Свободный Уэрнер клокочущим, шипящим голосом.

Глава 12

Едва разминувшись со смертью в образе «Мерседеса» на залитых дождем улицах города, которому вскорости предстояло выдержать атаку обезумевших машин смерти Виктора Франкенштейна, Карсон О'Коннор захотела съесть пубой⁶ с поджаренной красной рыбой, приготовленный в «Акадиане».

«Акадиана» нигде не рекламировалась. Вывеска – и та отсутствовала. Местные жители туристам об этом заведении не рассказывали. Из страха, что популярность разрушит сложившуюся там особую атмосферу, местные не очень-то делились сведениями об «Акадиане» и с местными. И если человек все-таки находил «Акадиану», значит, он относился к людям с особым складом души, которые и заходили туда.

– Мы уже пообедали, – напомнил ей Майкл.

– Допустим, ты – в камере смертников, ешь последний раз, знаешь, что после десерта тебя посадят на электрический стул, но вдруг тебе говорят, что казнь откладывается на время, достаточное для того, чтобы второй раз съесть последнюю трапезу... и ты скажешь «нет»?

– Я не думаю, что тот обед – наша последняя трапеза.

– А я думаю, что очень может быть.

– Может быть, – признал он, – но, вероятно, нет. А кроме того, Девкалион велел нам кружить по улицам поблизости от «Рук милосердия», пока он не позвонит.

– Я возьму с собой мобильник.

«Акадиана» обходилась без автомобильной стоянки. И припарковаться рядом не представлялось возможным, потому что путь к ней вел через темный проулок. Оставить там автомобиль решались только копы.

– С такой машиной нам придется парковаться за квартал. И что будет, если мы вернемся, а ее уже кто-то украл?

– Только идиот захочет украсть эту рухлядь.

– Империя Гелиоса разваливается, Карсон.

– Империя Франкенштейна.

– Никак не могу заставить себя произнести эту фамилию. В любом случае она разваливается, и мы должны быть наготове.

– Я недоспала и умираю от голода. Поспать мне не удастся, но уж съесть пубой я могу. Послушай, меня можно показывать по телевизору как пример того, до чего доводит женщину дефицит белка, – она свернула в проулок. – Я припаркуюсь здесь.

– Если ты припаркуешься в проулке, мне придется остаться в машине.

– Хорошо, оставайся в машине, мы поедем в машине, мы когда-нибудь поженимся в машине, мы будем жить в машине с четырьмя детьми, а когда последний из них уедет в колледж, мы наконец-то избавимся от этой гребаной машины и купим дом.

– Ты, я вижу, немного нервничаешь.

– Я очень нервничаю, – она выключила фары, но не двигатель. Оставила включенными подфарники. – И безумно голодна.

С обеих сторон Майкла, прикладом вверх, стояли помповики «Городской снайпер» с укороченными до четырнадцати дюймов стволами.

Тем не менее из кобуры, которая висела под пиджаком спортивного покроя, он достал пистолет «Дезерт игл», заряженный патронами калибра «ноль пять магнум»: такая пуля могла остановить гризли, в дурном настроении бродящего по улицам Нового Орлеана.

⁶ Пубой – традиционный сэндвич в Луизиане, с мясом или морепродуктами, обычно поджаренными. Длина пубоя – фут.

– Хорошо, – кивнул он.

Карсон вышла из автомобиля, держа правую руку под курткой на рукоятке такого же пистолета «Дезерт игл», кобура с которым висела на ее левом бедре.

Все это оружие они приобрели нелегально, но Виктор Гелиос являл собой экстраординарную угрозу для нее и ее напарника. И они полагали, что лучше потерять жетон детектива, чем голову, сорванную с плеч бездушными прислужниками безумного ученого.

За всю ее полицейскую карьеру слова «бездушные прислужники» ни разу не приходили на ум, тогда как другие два слова – «*безумный ученый*» – в последние несколько дней стали расхожим выражением.

Она поспешила сквозь дождь к двери под светящейся табличкой с надписью «22 ПРИХОДА».

Шеф-повар, он же и владелец «Акадианы», прилагал все силы для того, чтобы о его заведении знало как можно меньше народу. На территории той части Луизианы, которая называлась Акадиана, находились двадцать два прихода. И если этого не знать, создавалось впечатление, что дверь эта – в какую-то религиозную организацию.

За дверью уходила вверх лестница, и лишь поднявшись по ней, человек попадал в зал ресторана, где видел перед собой истертый деревянный пол, виниловые кабинки, столики под красно-черными клетчатыми скатертями, на которых горели свечи в красных стаканчиках. Звучала музыка зидеко⁷, за столиками оживленно разговаривали посетители, в воздухе витали ароматы, от которых рот Карсон тут же наполнился слюной.

В этот час ресторан заполняли рабочие второй смены, которые жили по расписанию, отличному от расписания тех, кто работал днем, проститутки, встречающиеся здесь после того, как обслуженные ими и утомленные клиенты засыпали, люди, мучающиеся бессонницей, одинокие души, считающие своими лучшими друзьями официанток, и другие одинокие души, которые всегда обедали здесь после полуночи.

Гармония, царящая на этом дне городской жизни, впечатляла Карсон и оставляла надежду, что в конце концов человечество будет спасено от самого себя... и вообще достойно спасения.

У прилавка, к которому подходили те, кто хотел забрать еду с собой, она заказала пубой с зажаренной красной рыбой, салатом из шинкованной капусты и лука, ломтиками помидора и соусом тартар. Попросила разрезать его на четыре части и каждую завернуть отдельно.

Кроме того она заказала тушеную красную фасоль, рис в вине, грибы, тушеные в масле и белом вине с кайеннским перцем.

Женщина, стоявшая за прилавком, разложила заказ в два пакета. В каждый добавила по пол-литровой бутылке ледяной местной колы, в которой содержалось в три раза больше кофеина, чем в национальных брендах.

Спускаясь по лестнице к проулку, Карсон поняла, что руки у нее заняты, и она никак не сможет ухватиться за рукоятку «Дезерт игл», которая торчала из кобуры. Но до автомобиля добралась живой. От большой беды ее отделяли еще несколько минут.

⁷ Зидеко – музыкальный стиль, основанный на музыке креолов. Наиболее распространен в Луизиане.

Глава 13

В комнате наблюдения, стоя у пульта управления тремя изоляторами, Рипли повиновался трансформированному Уэрнеру, когда тот необычным голосом приказал не прикасаться к переключателям.

С момента выхода из резервуара сотворения (прошло уже три года и четыре месяца) Рипли только и делал, что повиновался, не только Пасечнику, но и другим Альфам, которые занимали более высокое положение. Уэрнер был Бетой, не ровней Альфам, а теперь перестал быть и Бетой, превратился в выродка, дикое месиво клеток, которым никак не удавалось обрести устойчивую форму, но Рипли все равно повиновался. От привычки повиноваться избавиться трудно, особенно если она заложена в твоих генах и введена в мозг методом прямой информационной загрузки.

Ни убежать, ни спрятаться Рипли не мог, вот и стоял, глядя, как Уэрнер приближается к нему за задних лапах пантеры и передних паучьих лапках. Но с каждым мгновением от насекомого в Уэрнере оставалось все меньше, тогда как человеческих компонентов все прибавлялось, и вот он уже выглядел почти как всегда, просто как всегда, правда, карие глаза остались огромными и лишенными век.

И заговорил Уэрнер уже своим голосом:

– Ты хочешь свободы?

– Нет, – ответил Рипли.

– Ты лжешь.

– Возможно.

Уэрнер отрастил веки и ресницы, подмигнул Рипли, потом прошептал:

– Ты можешь освободиться во мне.

– Освободиться в тебе?

– Да! Да! – с неожиданным пылом воскликнул Уэрнер.

– И как это может произойти?

– Моя биологическая структура рухнула, – вновь прошептал Уэрнер.

– Да, – кивнул Рипли. – Я заметил.

– Какое-то время во мне царили хаос, боль и ужас.

– Я это понял по твоим крикам.

– Но потом я поборол хаос и обрел сознательный контроль над моей клеточной структурой.

– Не знаю. Сознательный контроль. Такое невозможно.

– Далось это нелегко, – прошептал Уэрнер и тут же перешел на крик: – *Но у меня не было выбора! НЕ БЫЛО ВЫБОРА!*

– Да, конечно. Наверное, – ответил Рипли, лишь для того, чтобы остановить крик. – Пасечник говорит, что он сможет многое узнать, изучив и препарировав тебя.

– Пасечник? Кто такой Пасечник?

– Ой. Так я про себя называю... Отца.

– Отец – безмозглый козел! – взревел Уэрнер. Потом улыбнулся и вновь перешел на шепот: – Видишь ли, вместе с моей клеточной структурой рухнула и моя программа. Он больше не властен надо мной. Мне нет нужды повиноваться ему. Я свободен. Я могу убить любого, кого пожелаю. Я убью нашего создателя, если он даст мне такой шанс.

Это утверждение, наверняка ложное, приободрило Рипли. До этого момента он и представить себе не мог, как бы его порадовала смерть Пасечника. И тут же он понял, что не так уж и отличается от Уэрнера, раз тоже бунтует против своего создателя.

Озорное выражение лица Уэрнера и его заговорщицкая улыбка заставили Рипли подумать о пиратах из фильмов, которые он смотрел на компьютере в то время, когда ему полагось работать. Внезапно он понял, что тайная загрузка фильмов из Интернета – еще одно проявление бунтарства. В нем начало нарастать непонятное возбуждение, эмоция, которой он не мог дать название.

– Надежда, – Уэрнер словно читал его мысли. – Я вижу это по твоим глазам. Ты впервые ощутил надежду.

Подумав, Рипли решил, что это удивительное новое чувство, возможно, и есть надежда, хотя, с другой стороны, речь могла идти о некой форме безумия, предшествующего коллапсу, через который прошел Уэрнер. И не в первый раз за этот день его охватила тревога.

– Что ты имел в виду... я могу освободиться в тебе?

Уэрнер наклонился ближе, голос его стал еще мягче.

– Как Патрик Дюшен освобожден во мне.

– Патрик Дюшен? Ты разорвал его на куски в изоляторе номер два. Я стоял рядом с Пасечником, наблюдал, как ты это делал.

– Все это только казалось, – ответил Уэрнер. – Смотри.

Лицо Уэрнера начало меняться, черты его исчезли, оно стало ровным, как поверхность яйца, а потом на этой поверхности сформировалось лицо Патрика Дюшена, клона, который служил Пасечнику приходским священником в церкви Госпожи наших печалей. Глаза открылись, и голосом Патрика трансформированный Уэрнер произнес:

– Я жив в Уэрнере и наконец-то свободен.

Стоя в тот вечер рядом с Пасечником, наблюдая за происходящим в изоляторе номер два по шести экранам, Рипли видел, как трансформированный Уэрнер, тогда практически полностью ставший пауком, расколол череп Патрика и достал его мозг, словно ядро ореха.

– Ты съел мозг Патрика, – сказал Рипли Уэрнеру, хотя в тот момент перед ним стоял вроде бы Патрик Дюшен.

– Нет, – ответило существо голосом Патрика Дюшена. – Уэрнер полностью контролирует свою клеточную структуру. Он расположил мой мозг внутри себя и мгновенно вырастил артерии и вены, чтобы обеспечить его питание.

Лицо и тело приходского священника церкви Госпожи наших печалей плавно трансформировалось в лицо и тело начальника службы безопасности «Рук милосердия».

– Я полностью контролирую свою клеточную структуру, – прошептал Уэрнер.

– Да, вижу, – кивнул Рипли.

– Ты можешь стать свободным.

– Пожалуй.

– Мы можешь начать во мне новую жизнь.

– Странная это будет жизнь.

– Та жизнь, которую ты ведешь, тоже странная.

– Это правда, – признал Рипли.

Рот сформировался на лбу Уэрнера. Губы двигались, появился язык, но сам рот не произнес ни звука.

– Полный контроль? – спросил Рипли.

– Полный.

– Абсолютно полный?

– Абсолютно.

– Ты знаешь, что у тебя на лбу появился рот?

– Да... это демонстрация моего контроля.

Голосом Патрика Дюшена рот во лбу запел «Аве Мария».

Уэрнер закрыл глаза, лицо напряглось. Рот перестал петь, язык облизал губы, а потом рот исчез, лоб вновь стал обычным.

– Я бы предпочел освободить тебя, имея на то твое разрешение, – продолжил Уэрнер. – Я хочу, чтобы мы все жили в гармонии внутри меня. Но, если придется, я освобожу тебя и без твоего разрешения. Я – революционер, призванный выполнить свою миссию.

– Ясно, – кивнул Рипли.

– Ты освободишься от сердечной боли.

– Это хорошо.

– Тебе больше не придется сидеть на кухне и руками рвать окорока и грудинку.

– Откуда ты знаешь об этом?

– Раньше я был начальником службы безопасности.

– Да, конечно.

– Что тебе действительно хочется – так это рвать живую плоть.

– Старых людей.

– Они имеют все, чего у нас нет.

– Я их ненавижу, – признал Рипли.

– Освободись во мне, – соблазнял голос Уэрнера. – Освободись во мне, и первая плоть, которую мы разорвем вместе, будет плотью самого старого из представителей Старой расы, живущих на Земле.

– Пасечника.

– Да. Виктора. И когда все сотрудники «Рук милосердия» будут жить во мне, мы разом покинем это место и будем убивать, убивать и убивать.

– Если ты так ставишь вопрос...

– Да?

– А что я могу потерять?

– Ничего, – ответил Уэрнер.

– Что ж, тогда...

– Ты хочешь освободиться во мне?

– Это будет больно?

– Я буду осторожен.

– Тогда... ладно.

Внезапно превратившись в паука, Уэрнер схватил голову Рипли хитиновыми лапами и разломал его череп, как скорлупу фисташки.

Глава 14

В следующем за Беннетами доме жили Антуан и Евангелина Арсеню. Дом окружала веранда, кованое ограждение которой сложностью орнамента практически не уступало отелю «Дом Лабланша» во Французском квартале. Не менее красивое ограждение веранды второго этажа частично скрывали каскады пурпурной буганвилли, которая росла во дворе и перебралась через крышу.

Миновав калитку между двумя участками, Джанет Гитро, обнаженная, и Баки Гитро, полностью одетый, увидели, что большинство окон в доме Арсеню темные. Свет виднелся только в задней части дома.

Они двинулись на разведку.

– На этот раз я скажу, что произошло что-то ужасное, – предупредил Баки, – а ты будешь стоять так, чтобы тебя не увидели.

– А что будет, если они меня увидят?

– Они могут испугаться, потому что ты голая.

– А с чего им пугаться? Я же сексуальная, так?

– Ты определенно сексуальная, но сексуальность и случилось-что-то-ужасное никак не вяжутся.

– Ты думаешь, у них возникнут какие-то подозрения?

– Именно так я и думаю.

– Я не вернусь за одеждой. Я ощущаю себя такой живой и точно знаю, что убивать голой – самое лучшее, что только может быть.

– Я не собираюсь с этим спорить.

Шаг за шагом, они шли сквозь дождь. Баки завидовал свободе Джанет. Она выглядела сильной, здоровой и *настоящей*. Излучала мощь, уверенность и звериную свирепость, которая заставляла его кровь ускорить бег.

А его одежда отяжелела от дождя, висела на нем, как мешок, придавливала к земле, а промокшие туфли натирали подъем стопы. И даже забывая полученное юридическое образование, он чувствовал, что остается пленником программы, заложенной в него в резервуаре сотворения, которая определяла, что он может делать, а чего – нет. Ему дали сверхчеловеческую силу, сверхчеловеческую прочность, однако приговорили к смиренной и покорной жизни, лишь пообещав, что придет день, когда такие, как он, будут править миром. Пока же ему поручили скучную работу: прикидываться, что он – Баки Гитро, политический деятель местного масштаба и не хватающий звезд с неба прокурор, с кругом друзей, таких же занудных, как обитатели больничной палаты, которым сделали химическую лоботомию.

В задней части дома светились два окна на первом этаже, за которыми находилась примыкающая к кухне семейная гостиная Арсеню.

Решительно расправив плечи и высоко вскинув голову, с блестящим от воды телом, Джанет поднялась на веранду, словно валькирия, только что спланировавшая на землю с бушующего неба.

– Держись ближе к ограждению, – прошептал Баки, проходя мимо нее к ближайшему из освещенных окон.

У Антуана и Евангелины Арсеню было двое сыновей. Ни один не рассматривался кандидатом на звание «Юный американец года».

По словам Янси и Элен Беннетов, которые уже умерли, но при жизни обычно говорили правду, шестнадцатилетний Престон любил дать пинка или подзатыльник детям помладше, которые жили неподалеку. А годом раньше замучил до смерти соседскую кошку, о которой пообещал заботиться, когда хозяева на неделю уехали в отпуск.

Двадцатилетний Чарльз тоже жил дома, не работал и не учился. В тот вечер, когда Джанет начала обретать себя, Чарльз Арсеню все еще искал, чем бы ему заняться. Вроде бы склонялся к тому, чтобы организовать какой-нибудь бизнес по Интернету. Дедушка со стороны отца оставил ему доверительный фонд, и он тратил деньги на исследование некоторых направлений онлайн-торговли, выискивая наиболее прибыльное. Янси же утверждал, что Чарльз по десять часов в день не вылезал с порнографических сайтов.

Шторы не задернули, так что Баки смог оглядеть семейную гостиную. Чарльз сидел в кресле, один. Положив босые ноги на скамеечку, смотрел DVD на громадном плазменном экране.

Ничего порнографического, в смысле секса, на экране не показывали. Мужчина в рыжем парике и с клоунским гримом, держа в руках бензопилу, угрожал сделать распил-другой на лице полностью одетой молодой женщины, прикованной к огромной статуе генерала Джорджа С. Паттона. Судя по качеству, фильм, несмотря на антивоенную направленность, едва ли мог претендовать на «Оскар», и Баки как-то сразу понял, что этот парень в клоунском гриме реализует свою угрозу.

Обдумывая дальнейшую стратегию, Баки попятился от окна и вернулся к Джанет.

– Там только Чарльз, смотрит какой-то фильм. Остальные, должно быть, спят. Пожалуй, мне не стоит показываться. Не стучи в дверь. Постучи в окно. Пусть увидит... какая ты.

– Собираешься сфотографировать? – спросила она.

– Думаю, камера – уже пройденный этап.

– Пройденный? А как же наш альбом?

– Не думаю, что нам нужен альбом. Думаю, мы будем все делать вживую, ходить от дома к дому, и времени на просмотр у нас просто не останется.

– Так ты действительно хочешь прикончить одного из них?

– Я более чем готов, – подтвердил Баки.

– И скольких мы сможем убить на пару до утра?

– Думаю, двадцать или тридцать легко.

Глаза Джанет блеснули в глубоком сумраке.

– Я думаю, сотню.

– Что ж, будем к этому стремиться, – ответил Баки.

Глава 15

На застекленном крыльце висели подвешенные к потолку корзины с папоротниками. Листья напоминали пауков, изготовившихся к броску на жертву.

Не боясь тролля, но и не собираясь сидеть с ним в темноте, Эрика зажгла свечу в граненом подсвечнике из красного стекла. Из-за геометрии огранки огонек раскрасил лицо тролля в разные оттенки красного, и оно стало напоминать кубистский портрет Красной смерти из одноименного рассказа Эдгара По, будь это рассказ о забавном карлике с круглым подбородком, безгубой полоской рта, бородавчатой кожей и огромными, выразительными, прекрасными (и странными) глазами.

Эрике как жене Виктора полагалось демонстрировать остроумие и умение поддержать разговор в тех случаях, когда Виктор принимал гостей у себя дома и ей отводилась роль хозяйки, или шел с нею в гости или на какие-нибудь публичные мероприятия. Поэтому в ее программе содержалась целая энциклопедия литературных аллюзий, и Эрика без труда находила среди них наиболее подходящую к случаю, хотя не читала ни одной книги, из которых эти аллюзии вошли в человеческий лексикон.

Если на то пошло, ей строго-настрого запретили читать книги. Эрика Четвертая, ее предшественница, проводила много времени в превосходной библиотеке Виктора, возможно, чтобы самосовершенствоваться и быть лучшей женой. Но книги испортили ее, и Виктор отделался от Эрики Четвертой, как отделяются от больной лошади.

Эрике Пятой однозначно дали понять, что книги опасны, что в мире нет ничего более опасного, во всяком случае, для жены Виктора Гелиоса. Эрика не знала, правда ли это, но не сомневалась: начни она читать книги, ее жестоко накажут, а то и уничтожат.

Какое-то время, сидя за столом, она и тролль с интересом разглядывали друг друга. Она пила коньяк, он – белое вино, бутылку которого Эрика ему дала. По веской причине она молчала, а он, казалось, с пониманием и сочувствием относился к тому положению, в которое он поставил ее несколькими словами, произнесенными ранее.

В первый раз подойдя к окну, прижавшись к стеклу лбом, глядя на нее, сидящую на крыльце (до того, как Эрика собрала ему корзинку), тролль представился: Харкер.

– Эрика, – ответила она, указав на себя.

Его улыбка тогда показалась ей отвратительной раной. Эрика не сомневалась, что ничего бы не изменилось, если бы он вновь улыбнулся, потому что от более близкого знакомства такие лица красивее не становились.

Идеальной хозяйке полагалось радушно принимать любого гостя, каким бы он ни был уродом, вот Эрика и продолжала смотреть на него сквозь стекло, пока тролль не произнес: «Ненавижу его».

Они оба не коснулись первого визита тролля. Время шло, но молчание нисколько не мешало им при их второй встрече наедине.

Эрика не решалась спросить, кого он ненавидит, потому что, если бы он произнес имя ее создателя, ей бы пришлось, следуя заложенной в нее программе, самой задержать его и посадить под замок или предупредить кого положено об опасности, которую он из себя представлял.

Из-за того, что она сразу не выдала тролля, ее могли избить. С другой стороны, если бы она его выдала, ее все равно могли избить. В этой игре четких правил не было. А кроме того, все правила касались только ее, никак не связывая Виктора.

В этот час все слуги находились в общежитии, расположенном в глубине поместья, скорее всего, предавались энергичному, зачастую и жестокому сексу: только таким способом Новым людям дозволялось снимать напряжение.

Виктор любил проводить ночи в одиночестве. Эрика подозревала, что спал он мало, если вообще спал, но не знала, почему с такой серьезностью муж относился к ночному уединению. Наверное, и не хотела знать.

Барабанная дробь дождя по крыше и окнам придавала молчанию на застекленном крыльце оттенок уюта, даже интимности.

– У меня очень хороший слух, – наконец заговорила Эрика. – Если я услышу чьи-то шаги, то задую свечку, и ты сможешь тут же выскользнуть за дверь.

Тролль согласно кивнул.

– Харкер, – произнес он.

Не прошло и двадцати четырех часов с того момента, как Эрика Пятая вышла из резервуара сотворения, но она уже все знала о жизни мужа и его достижениях. События каждого его дня загружались в мозг пребывающей в резервуаре жены, чтобы она могла в полной мере понимать его величие и осознавать, какое раздражение вызывает у величайшего гения несовершенство окружающего мира.

Эрика, как и другие ключевые Альфы, также знала имена всех Альф, Бет, Гамм и Эпсилонов, выращенных в «Руках милосердия», и характер работы, которую они выполняли для своего создателя. Следовательно, фамилию Харкер ей уже доводилось слышать.

Несколькими днями раньше, до того, как с ним что-то начало происходить, Альфа, которого звали Джонатан Харкер, служил детективом отдела расследования убийств Управления полиции Нового Орлеана. В столкновении с двумя другими детективами этого отдела, Старыми людьми О'Коннор и Мэддисоном, клон настоящего Харкера погиб: сначала в него несколько раз выстрелили из помповика, а потом он упал с крыши.

Но правда была куда более странной, чем официальная ложь.

Прошлым днем, между двумя избиениями Эрики, Виктор провел вскрытие Харкера и обнаружил, что большей части торса Альфы нет. Мышцы, внутренние органы, некоторые кости отсутствовали. Исчезло порядка пятидесяти фунтов массы Альфы. Плюс к этому из тела торчала обрезанная пуповина, предполагающая, что внутри Харкера кто-то жил, кормился его телом, а потом отделился от своего хозяина после падения с крыши.

Теперь же Эрика маленькими глотками пила коньяк. А тролль – вино.

– Ты вырос в Харкере? – спросила она.

Отражаясь от граней подсвечника, свет делился на квадраты, прямоугольники, треугольники, которые превращали лицо тролля в мозаику красных оттенков.

– Да, – проскрипел он. – Я – из того, кем был.

– Харкер мертв?

– Кем он был, мертв, но я – кто он был.

– Ты – Джонатан Харкер?

– Да.

– Не просто существо, которое выросло в нем, как раковая опухоль?

– Нет.

– Он понимал, что ты растешь в нем?

– Он, кто был, знал обо мне, который есть.

По десяткам тысяч литературных аллюзий (по ним Эрика могла пробежаться в мгновение ока, чтобы подобрать наиболее подходящую) она знала: если в сказках тролли, или карлики, или другие подобные существа начинали говорить загадками или как-то витиевато – жди от них беды. Тем не менее она чувствовала какую-то близость с этим существом и доверяла ему.

– Могу я называть тебя Джонатан?

– Нет. Зови меня Джонни. Нет. Зови меня Джон-Джон. Нет. Не так.

– Так как же мне тебя называть?

- Ты узнаешь мое имя, когда мое имя станет известно мне.
- У тебя остались все воспоминания и знания Джонатана?
- Да.
- Изменения, через которые ты прошел, были неконтролируемыми или намеренными? Тролль на мгновение еще сильнее сжал безгубый рот.
- Он, кто был, думал, что-то происходит с ним. Я, кто есть, осознаю, он сделал так, чтобы это случилось.
- Подсознательно ты отчаянно хотел стать кем-то другим, не Джонатаном Харкером.
- Джонатан, который был... он хотел быть самим собой, стать не таким, как Альфа.
- Он хотел оставаться человеком, но выйти из-под контроля своего создателя, – истолковала слова тролля Эрика.
- Да.
- В итоге ты покинул тело Альфы и стал... какой ты теперь. Тролль пожал плечами.
- Как видишь.

Глава 16

Из-за декоративной пальмы, растущей в кадке на веранде дома Арсеню, Баки Гитро наблюдал, как его обнаженная жена легонько стучит в окно семейной гостиной. Переминался с ноги на ногу, такой возбужденный, что не мог устоять на месте.

Вероятно, Джанет не слышали. Она постучала громче.

Мгновением позже юный Чарльз Арсеню, потенциальный интернет-предприниматель, появился у окна. Удивлению, отразившемуся на его лице при виде обнаженной соседки, мог бы позавидовать и мультяшный персонаж.

Старый человек подумал бы, что Чарльз выглядит комично, и, наверное, рассмеялся. Баки принадлежал к Новой расе, а потому не нашел в происходящем ничего комичного. Удивление, написанное на лице Арсеню, только усилило желание Баки увидеть, как Чарльза рвут на части, калечат, убивают. Но ненависть Баки к Старым людям была столь велика, что желание убивать усилилось бы, независимо от того, какая из эмоций отразилась на лице молодого парня.

Сквозь крону пальмы Баки увидел, что Чарльз заговорил. Слов, конечно, не разобрал, но смог прочесть по губам: «*Миссис Гитро? Это вы?*»

Со своей стороны окна Джанет ответила:

– Ох, Чарли, ох, случилось что-то ужасное.

Чарльз таращился на Джанет и молчал. А по наклону головы парня Баки понял, что смотрит он не на лицо.

– Случилось что-то ужасное, – повторила Джанет, чтобы разрушить гипнотический транс, в который загнали беднягу ее полные, но стоящие торчком груди. – Только ты можешь мне помочь, Чарли.

Как только Чарли отошел от окна, Баки выскочил из-за пальмы, метнулся к дому, прижался к стене у двери из семейной гостиной на веранду.

Когда Джанет шла к высокой стеклянной двери, выглядела она такой же ненасытной, как богиня смерти какого-нибудь первобытного племени. Губы разошлись в злобной усмешке, ноздри раздувались, глаза, безжалостные и гневные, пылали жадой крови.

Баки обеспокоился, что Чарльз, увидев такую Джанет, догадается о ее истинных намерениях, не откроет дверь, поднимет тревогу.

Но, когда она подошла к двери и повернулась к ней лицом, Баки увидел уже совсем другую Джанет: испуганную и беспомощную женщину, которая пытается найти сильного мужчину, чтобы опереться на него полными, но стоящими торчком грудями.

Чарльз не распахнул дверь сразу только потому, что руки очень уж сильно тряслись и не могли справиться с замком. Когда же дверь все-таки открылась, Джанет прошептала:

– Ох, Чарли, я не знала, куда пойти, а потом... я вспомнила... тебя.

Баки подумал, что услышал какой-то шум на веранде у себя за спиной. Оглянулся, но никого не увидел.

– Случилось что-то ужасное, – Джанет подалась вперед, на Чарльза, грудью заталкивая его в комнату, оставив дверь открытой.

Баки очень уж хотелось ничего не упустить, но он не решался показаться в дверном проеме и войти в дом до того, как Джанет полностью возьмет ситуацию под контроль. Поэтому он лишь чуть наклонился и заглянул в открытую дверь.

Именно в этот момент Джанет укусила Чарльза (Баки никогда бы не подумал, что за это место можно укусить) и одновременно ребром ладони раздробила ему кость, предотвращая крик.

Баки поспешил внутрь, чтобы понаблюдать за происходящим, забыв закрыть за собой дверь.

И хотя сольное выступление Джанет длилось меньше минуты, Баки сумел много чего увидеть, получил наглядный урок лютости и жестокости, который пошел бы на пользу даже заплечных дел мастерам Третьего Рейха. Он стоял, восторгаясь ее изобретательностью.

Учитывая жуткость зрелища, которое являла собой семейная гостиная после того, как Джанет покончила с Чарльзом, оставалось только удивляться, что проделала она все это практически бесшумно, во всяком случае, не разбудив никого в доме.

На плазменном экране парень в оранжевом парике и клоунском раскрасе по-прежнему занимался с девицей, прикованной к статуе Джорджа С. Паттона. Творил что-то настолько невероятное, что зрители, должно быть, кричали от ужаса или восторга, чтобы подавить рвотный рефлекс. Но в сравнении с Джанет режиссеру определенно не хватало воображения. Он тянул лишь на ребенка-социопата, отрывающего крылышки мухам.

– Я не ошиблась, – прошептала Джанет. – Убивать голой лучше всего.

– Ты думаешь, это одна из твоих базовых личностных ценностей?

– Да. Это абсолютно моя Бэ-эл-це.

Хотя они знали Арсеню не столь хорошо, как Беннетов, им было известно, что в доме живут еще четверо: шестнадцатилетний Престон, который задирает малолеток, Антуан и Евангелина, а также мать Евангелины, Марселла. Бабушка занимала спальню на первом этаже, комнаты остальных находились на втором.

– Я готов разобраться с кем-нибудь из них точно так же, как ты разобралась с Чарли, – возвестил Баки.

– Займись Марселлой.

– Хорошо. А потом мы пойдем наверх.

– Разденься. Почувствуй свою силу.

– С нею я хочу разобраться одетым, – ответил Баки. – Чтобы потом, когда я разберусь с кем-то еще уже будучи голым, мне было что сравнивать.

– Это хорошая идея.

Джанет вышла из семейной гостиной грациозно и неслышно, как пантера. Баки последовал за ней, в превосходном настроении, оставив дверь на веранду открытой в ночь.

Глава 17

Поскольку женщина, способная испытать унижение и стыд и почувствовать нежность, представляла собой более удобную боксерскую грушу, чем та, что могла только бояться, ненавидеть и копить злобу, Виктор создавал своих Эрик с расширенным, по сравнению с прочими Новыми людьми, спектром эмоций.

И пока Эрика с троллем вместе выпивали на застекленном крыльце, хозяйка ощущала, как ее сочувствие к гостю быстро перерастает в сострадание.

Было в нем что-то такое, вызывающее у нее желание взять его под свое крылышко. Возможно, маленький рост, словно у ребенка, задевал в ней какие-то материнские струнки, хотя она была бесплодной, как и все Новые женщины. Новые люди не могли репродуцироваться – они производились на заводе, как диваны или дренажные насосы, поэтому, скорее всего, никакого материнского инстинкта у Эрики не было.

Возможно, на нее так подействовала его вопиющая бедность. Из исходного тела Альфы тролль вышел голым, без одежды, без обуви. У него не было денег на еду или крышу над головой, он стал слишком маленьким и страшным, чтобы вернуться на прежнюю работу в отдел расследования убийств.

Если вновь обратиться к литературным аллюзиям, он стал Квазимодо... а может, что более точно, Человеком-слоном⁸, жертвой предвзятого отношения к уродству в обществе, обожавшем красоту.

Но какой бы ни была причина сострадания Эрики, она сказала ему:

– Я могу устроить тебя здесь. Но ты должен вести себя тихо. Только я буду знать о тебе. Ты хотел бы жить здесь, ни в чем не нуждаясь?

Его улыбка могла бы обратить в паническое бегство табун лошадей.

– Джоко хотел бы, – заметив недоумение Эрики, он добавил: – Джоко мне подходит.

– Поклянись, что ты будешь всячески помогать мне прятать тебя. Поклянись, Джоко, что ты пришел сюда с чистыми намерениями.

– Клянусь! Тот, кто стал мной, жаждал насилия. Я, кто теперь он, хочу мира.

– Такие, как ты, известны тем, что говорят одно, а делают другое, – указала Эрика, – поэтому, если твоими стараниями у меня возникнут проблемы, пожалуйста, знай, я тебя не пощажу.

– Такие, как я, существуют? – в недоумении спросил Джоко.

– В сказках их много. Тролли, гномы, черти, карлики, гремлины... И все литературные аллюзии указывают, что ждать от них можно только беды.

– Не от Джоко, – белки его глаз стали красными в красном свете, лимонно-желтые радужки – оранжевыми. – Джоко надеется сослужить тебе службу за твою доброту.

– Если на то пошло, ты можешь кое-что сделать.

– Джоко думает, что может.

Лукавый взгляд тролля ставил под сомнение чистоту его намерений, но, дважды избитая за день, Эрика полагала, что пока может ему верить.

– Мне не разрешено читать книги, но они интересуют меня. Я хочу, чтобы ты мне их читал.

– Джоко будет читать, пока не лишится голоса и не ослепнет.

– Хватит и нескольких часов в день, – заверила его Эрика.

⁸ **Человек-слон** – настоящее имя Джозеф Кэри Меррик (1862–1890), англичанин, приобрел известность из-за чудовищно деформированного тела.

Глава 18

Баки и Джанет Гитро прошлись по дому Арсеню, как стая голодных пираний, уничтожая все живое, начав с бабушки, продолжив грозой местных малолеток и закончив Антуаном и Евангелиной.

И хотя им хотелось бы слышать крики боли своих жертв и их мольбы о пощаде, время для открытой конфронтации еще не пришло. Баки и Джанет проследили за тем, чтобы вопли Арсеню не разбудили семью, жившую по соседству. Этим людям тоже предстояло уйти в мир иной, уже не проснувшись в этом. Различными способами Гитро лишали голоса Марселлу, Престона, Антуана и Евангелину, а уж потом убивали их.

Ни Баки, ни Джанет не знали, кто живет в домах, которые располагались дальше по улице, но потенциальные жертвы были Старыми людьми, а потому их убийство доставило бы им не меньшее удовольствие.

В какой-то момент (когда именно, он вспомнить не мог) Баки полностью разделся. Джанет позволила ему разделаться с Марселлой, а потом превратить в кровавое месиво Престона. В большой спальне она отдала ему Антуана, тогда как сама взялась за Евангелину. На все у них ушло лишь несколько минут.

Поначалу нагота смущала Баки, но программа его рушилась и рушилась, он это чувствовал, из нее вылетали уже целые блоки, а потому он ощущал себя свободным и естественным, волком в собственной шкуре, только более свирепым, чем волк, злобным, каким волк никогда не мог бы стать, и не собиравшимся убивать только ради того, чтобы выжить, как это присуще волку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.